

Если бы Сяо Янь вздумал драться с Цан Шуином без использования Боевой Ци, тот бы разделал его под орех в считанные секунды. В конце концов, чтобы избежать печальной участи быть прижатым к земле и целованным до бесконечности, ему пришлось самому разок чмокнуть Цан Шуина.

Влетев в комнату на одном дыхании, Сяо Янь нырнул под одеяло и закрыл руками покрасневшее лицо, не смея даже думать о том, что только что произошло. Однако прохлада всё ещё оставалась на его губах, и игнорировать её было невозможно.

Вспомнив прежнее мягкое ощущение, Сяо Янь машинально облизал губы, но в следующее мгновение покраснел до самого основания шеи и замер на кровати неподвижной статуей.

Что, что, что, что он только что сделал?! Он серьезно облизал губы?! Даже если Хань Фэн хорош собой и может похвастаться безупречной кожей, облизывать его было нельзя! Он же прямой парень, который любит девушек! Прямой донельзя, прямее телефонного столба! С чего бы ему вообще смаковать ощущения от поцелуя с мужиком?

Сяо Янь устался на одеяло с таким несчастным и отчаянным выражением лица, что на это было больно смотреть. Ему нравились девушки — нежные, мягкие, такие, которых так легко уложить, а не какие-то мужики, у которых между ног есть точно такое же мужское достоинство, как и у него самого!

Когда Цан Шуин закончил со своими делами и вернулся в комнату, он увидел лишь бугорок на кровати, под которым скрывался исчезнувшему из виду Сяо Янь. Откинув одеяло, он обнаружил, что тот свернулся клубочком прямо под ним, а его лицо покраснелось от нехватки воздуха.

— Ну надо же... Разве можно так спать? — Цан Шуин беспомощно покачал головой, переодел их обоих в чистую одежду и лишь после этого лёг отдыхать.

Почувствовав знакомый запах, Сяо Янь не проснулся; напротив, стоило Цан Шуину лечь рядом, как он сам придвинулся ближе. И хотя холод заставил его слегка съёжиться, в конце концов он всё же прижал Цан Шуина к груди, пытаясь согреть застывшее тело собственным теплом.

На следующий день Цан Шуин проснулся очень рано. Глядя на сладко спящего на его груди Сяо Яня, он слегка приподнял уголки губ, формируя мягкую улыбку:

— Маленький младший брат...Однако эта мягкость продержалась лишь мгновение, сменившись странным выражением. Цан Шуин посмотрел на Сяо Яня, спавшего без задних ног, и его уголки губ дернулись: — Меня что, приняли за... эдакого?

Долго вглядываясь в Сяо Яня, он вдруг вздохнул, протянул руку и обхватил крошечного Сяо Яня, искусно двигая ладонью.

— М-м... а-ах... — бессознательно стоная, Сяо Янь покрылся соблазнительным, ярким

румянцем.

Помогла Сяо Яню разрешить проблему, Цан Шуин убрал руку, придвинулся и поцеловал его в уголок губ, быстро подавляя бушующую на дне глаз темную пелену. Едва моргнув, его сбившееся дыхание вновь успокоилось.

Кончиком пальца легко проведя по щеке Сяо Яня, Цан Шуин вздохнул, небрежно схватил подушку и сунул ее в объятия Сяо Яня.

Сяо Янь сонно и смутно приоткрыл глаза и увидел, как Цан Шуин с улыбкой повернулся, наклонился и легонько коснулся губами его уголков губ: — Поспи еще немного, еще рано.

— М-м... — невнятно отозвавшись, Сяо Янь обнял подушку, перевернулся на другой бок и, завернувшись в одеяло, продолжил спать.

Цан Шуин тепло улыбнулся, поправил край одеяла и только после этого ушел.

Буквально вскоре после его ухода Сяо Янь открыл глаза. Его щеки с видимой скоростью залились румянцем, а сам он сжался в комок, словно улитка, почуявшая опасность и спрятавшаяся в раковину.

— Я ведь натурал... — уныло пробормотал Сяо Янь и, махнув на всё рукой, уткнулся лицом в подушку, словно убегая от мыслей о том, что только что произошло.

Почему прошлой ночью в сновидении он вспоминал то, что случилось в море пламени? Мало того, что он пытался подчинить другого человека, а в итоге подчинили его самого, так самое главное — стоило проснуться, как выяснилось, что Хань Фэн помогал ему... Всё внутри перевернулось!

— Молодой господин Сяо, вы проснулись? — Ин Ши постучал в дверь и почтительно поинтересовался.

— ...В комнате царила абсолютная тишина. Ин Ши на мгновение замер, в его глазах промелькнуло понимание. Постояв у дверей еще пару мгновений и видя, что Сяо Янь по-прежнему хранит молчание, он больше не стал задерживаться и ушел заниматься своими делами.

Достопочтенный велел: если молодой господин Сяо ничего не ответит, достаточно просто постоять у двери какое-то время, а затем можно уходить. Ведь в такие моменты молодой господин Сяо никого не желает видеть.

Цан Шуин не знал, что именно приснилось Сяо Яню прошлым утром, но мог с уверенностью сказать: тот сон стал для Сяо Яня сильнейшим потрясением. Добавить к этому ту помощь, что он оказал Сяо Яню утром... Пожалуй, еще долгое время Сяо Янь едва ли захочет встречаться с ним глазами.

Так оно на самом деле и вышло. В последующие дни Сяо Янь старательно избегал его. Если бы Сяо Яню не нужно было участвовать в Собрании Алхимиков и ради этого непременно совершенствовать свое алхимическое мастерство путем варки пилюль, Цан Шуин, пожалуй, вообще не смог бы его отыскать. И это несмотря на то, что происходило все в резиденции

самого Цан Шуина.

— Снова неудача... — глядя на серый пепел в котелке для пилюль, Сяо Янь нахмурился и принялся размышлять о причинах очередной осечки.

Он чувствовал, что поначалу все шло отлично, но в самом конце внутри котелка происходили необратимые изменения, после чего с таким трудом очищенные им целебные травы обращались в прах.

Это происходило уже в третий раз. При его способностях было немыслимо провалиться трижды подряд, да еще и на том же самом этапе. При создании пилюль восьмого ранга определенно существовали какие-то секреты, о которых он еще не ведал.

— С твоей нынешней силой пилюли восьмого ранга вообще невозможно сварить. — Дверь алхимической комнаты открылась, и вошел Цан Шуин, ступая неторопливо и говоря ровным тоном. — Знаешь, почему алхимиков восьмого ранга так мало? Потому что алхимики восьмого ранга способны наделять пилюли духом.

— Наделять духом? — с удивлением переспросил Сяо Янь. Раньше ему никогда не приходилось слышать о наделянии пилюль духом, и Яо Лао тоже никогда об этом не рассказывал.

— Алхимику для создания пилюль, помимо Боевой Ци и пламени, требуется также духовная сила. Духовная сила не делится на уровни, только на силу и слабость, но зато в ней существуют ступени постижения: от слабого к сильному это Земной уровень, Духовный уровень, Небесный уровень и уровень Императора. Алхимики ниже восьмого ранга находятся на Земном уровне, а алхимики восьмого ранга — уже на Духовном. И лишь достигнув Духовного уровня, обретают способность наделять пилюли духом. Это точно так же, как ты обретаешь способность управлять пространством, лишь достигнув ступени Доу-цзуна.

Присев рядом с Сяо Янем, Цан Шуин без утайки поделился этими секретами, о которых почти никто не знал:

— Пилюли восьмого ранга обладают особой одухотворенностью, в то время как пилюли девятого ранга — это уже совсем другая форма жизни. Чтобы попытаться сварить пилюлю девятого ранга, духовное постижение должно достичь Небесного уровня, чтобы во время варки пилюли устанавливать связь с силами неба и земли.

— А что насчет уровня Императора? — Чем больше говорил Цан Шуин, тем сильнее изумлялся Сяо Янь. Он даже не отстранился, когда Цан Шуин присел рядом с ним.

Он никак не ожидал, что для варки пилюль, помимо требований к Боевой Ци и пламени, будут выдвигаться столь высокие требования к уровню духовного постижения. Обо всем этом Цан Шуин рассказывал впервые в его жизни.

Глядя на переполненного любопытством Сяо Яня, Цан Шуин тронул губы улыбкой, и его голос заметно полегчал:

— Чтобы сварить Императорскую Пиллюлю, необходимы два условия: дух уровня Императора и сила Императора Боевых Искусств. Что же до более подробных деталей, то я и сам не знаю.

Достав свиток, он протянул его Сяо Яню и с лучезарной улыбкой посмотрел на собеседника:

— Это методика совершенствования духа, она поможет тебе быстрее войти на Духовный уровень.

Не дожидаясь, пока Сяо Янь откажется, он сам вложил свиток ему в руки, подался вперед, легко коснулся губами его щеки и поднялся, собираясь уйти:

— Я уже получил свою плату, так что эта техника культивации теперь твоя. Если она тебе не нужна, просто выброси ее — я назад ее не заберу. Сделка, о которой говорил Цан Шуин, оставила Сяо Яня в таком положении, когда он даже не мог отказаться. Особенно последняя фраза Цан Шуина начисто отрезала Сяо Яню последний путь к возвращению техники культивации Хань Фэну.

Молча провожая взглядом удаляющегося Цан Шуина, Сяо Янь опустил голову и посмотрел на технику культивации в своей руке, испытывая крайне сложные чувства.

Один поцелуй в обмен на технику культивации — если бы прежний Хань Фэн вел дела подобным образом, то не говоря уже о том, чтобы преуспевать в Области Черного Угла и обладать таинственной силой, внушающей страх даже ему самому, он давно бы сгинул в каком-нибудь безымянном углу.

Если сказать, что Хань Фэн любит его, то, судя по поступкам Хань Фэна, это чистая правда. Хань Фэн всегда выказывал к нему какое-то особенное, снисходительное великодушие: что бы он ни делал, Хань Фэн неизменно улыбался, нежно глядя на него, не проявляя ни гнева, ни печали.

Но если сказать, что Хань Фэн не любит его, это тоже звучало бы убедительно. Если человек по-настоящему глубоко любит, то после отвержения, насмешек и ударов со стороны любимого человека он так или иначе выкажет хоть капельку боли, однако Хань Фэн — никогда. Каких бы жестоких слов ни говорил Сяо Янь, Хань Фэн не огорчался, а само слово «люблю» слетало с его губ так легко, не имея за собой ни малейшего веса.

Хань Фэн прятал свое сердце слишком глубоко, и Сяо Янь был не в силах разглядеть его. Как после этого он мог верить, что Хань Фэн любит его, а не просто играет с ним?

Сяо Янь не смел испытывать искренность Хань Фэна, он не мог позволить себе такую ставку.

Поэтому ему оставалось лишь продолжать уединение, избегать Хань Фэна и притворяться, будто ничего не произошло.

Цан Шуин тоже не тревожил его, тихо и спокойно занимаясь своими делами. Пожалуй, поскольку все вопросы разрешились еще в те дни, он никуда не выходил, проводя время за чтением книг, каллиграфией и греясь на солнышке. Его жизнь протекала необычайно безмятежно, куда более вольготно, чем у изнуряющего себя тренировками Сяо Яня.

Но некоторые вещи не исчезают от одного лишь желания делать вид, будто их не существует — например, пари между Цан Шуином и тем человеком.

Достопочтенный, письмо от того человека. — Когда Цан Шуин грелся на солнце и предавался полуденному отдыху, Ин Ши поспешно подошел к нему, держа в руке конверт, а на его лице читалась тревога.

Я понял. — Взяв письмо и глядя на аккуратный, но скрывающий за собой остроту почерк, Цан Шуин слегка нахмурился, и его расслабленное выражение лица сменилось сосредоточенным.

Ин Ши поклонился и отступил. Сделав глубокий вдох, Цан Шуин вскрыл конверт. Почерк был ему хорошо знаком — это был почерк того человека. Некогда они общались письмами на протяжении очень долгого времени.

В письме не было ни обращения, ни подписи, а содержание состояло всего из одной фразы, ровно из шести иероглифов: Добро пожаловать в клан Хунь.

Хм, написал приглашение так быстро. И впрямь боится, что я сбегу. — Уголки губ Цан Шуина приподнялись, он довольно усмехнулся, и внезапно вспыхнувшее пламя обратило бумагу в пепел.

До окончания пари оставалось всего полмесяца, но он так ни о чем и не спросил Сяо Яня. Не потому, что не хотел спрашивать, и не потому, что боялся, а потому, что время еще не пришло. Спроси он сейчас, разве сравнялся бы этот момент по силе воздействия с вопросом перед самым расставанием?

Накануне Собрания Алхимиков Цан Шуин наконец решил навестить Сяо Яня лично, не оставив тому ни единого шанса скрыться.

Завтра начнется Собрание Алхимиков, и сейчас ты, должно быть, уже вошел в Царство Духа. — Напрямик ворвавшись в комнату Сяо Яня, Цан Шуин улыбался со своей обычной нежностью, а в его глазах, помимо мягкости, читалась искренняя забота.

Да. — Загнанный Цан Шуином в угол комнаты, Сяо Янь не имел возможности уклониться. К счастью, Цан Шуин не сделал ничего такого, что поставило бы его в неловкое положение — он

лишь пришел утешить и ободрить его, словно старший наставник.

Кстати, для участия в Собрании Алхимиков необходимо иметь собственные травы. Как ты подготовился? — Словно не замечая смущения Сяо Яня, Цан Шуин продолжал расспрашивать его с сияющей улыбкой.

Почти закончил. — Сяо Янь дал уклончивый ответ. На самом деле он все еще не нашел пару видов трав, но сейчас ему поистине не хотелось лишний раз утруждать Хань Фэна.

Цан Шуин беспомощно вздохнул, снял со своей руки Кольцо Пространства и протянул Сяо Яню: Разве нам нужно церемониться друг с другом? Бери. — Заметив, что Сяо Янь не спешит брать его, он без лишних слов притянул руку юноши и силой надел кольцо на его палец, после чего серьезно наказал: Не думай ни о чем лишнем, просто воспринимай Собрание Алхимиков как обычное варение пилюль.

Мм. — Сяо Янь кивнул, уставившись на руку, которую Цан Шуин все еще продолжал удерживать в своей, и нерешительно произнес: Теперь... можешь отпустить?

Не могу. — Уголки глаз Цан Шуина внезапно изогнулись, он сократил расстояние между ними, намеренно создавая двусмысленную атмосферу. — Ответишь на один мой вопрос? Скажешь — и я отпущу.

...Спрашивай. — Посмотрев на написанное на лице Цан Шуина выражение полной уверенности в победе, Сяо Янь отвел взгляд и невольно отступил назад, пытаясь отстраниться.

Сяо Янь, я очень сильно люблю тебя. А у тебя есть хоть капля чувств ко мне? Хотя бы совсем чуть-чуть.

!!!

Сяо Янь резко повернул голову обратно, в изумлении распахнув глаза, и в упор уставился на Цан Шуина, сбросившего все маски. Спустя мгновение он жалко отвел взгляд, и сквозь зубы выдавил два сухих слова: Прости.

Дыхание внезапно оборвалось. Цан Шуин с невероятным неверием смотрел на Сяо Яня, а улыбка на его лице стала до боли неестественной, сдерживаемой из последних сил: Почему младший брат извиняется передо мной...?

Прости. — Сяо Янь не смел поднять на него глаза.

Руки Цан Шуина безвольно опустились вдоль туловища. Уголки его губ дрогнули в попытке улыбнуться, но это походило скорее на слезы, а те глаза, что вечно лучились нежностью и ярким светом, в этот миг казались безжизненными и потухшими: ...Неужели нельзя было даже

соврать мне?

Прости. — Кроме этих двух слов, Сяо Янь не знал, что еще сказать.

После долгого молчания Цан Шуин легко улыбнулся, но эта улыбка была до слез раздирающей душу: Младшему брату никогда не нужно говорить мне прости. — Не дожидаясь, пока Сяо Янь снова что-то произнесет, он поспешно отвернулся, а тон его голоса звучал с беспрецедентной легкостью: Настоящий тот, кому следует извиняться — это я. Я всего лишь хотел немного подурочиться с младшим братом, но никак не думал расстраивать его.

Младший брат, выступай как следует на состязании: не займешь первое место — я расскажу всем, что ты еще в двенадцать лет мочился в постель!

Эй, да это вовсе не то было! Хань Фэн, у тебя вообще есть хоть капля здравого смысла?! — В одно мгновение вся тяжесть и скорбь рассеялись, а Сяо Янь, разъяренный до предела, запрыгал позади него на месте.

Цан Шуин махнул рукой и бодрым шагом покинул дворик, оставив доведенного до белого каления Сяо Яня кипеть от злости в пустой комнате.

Отойдя подальше от дворика, где жил Сяо Янь, Цан Шуин постепенно замедлил шаг. Напускная улыбка на его лице окончательно стерлась, фальшивая беззаботность без следа исчезла, оставив после себя лишь бескрайнюю, пронзительную пустынную.

Ты проиграл, пойдем со мной. — Как призрак, из ниоткуда появился мужчина в черном и спокойно уставился на Цан Шуина.

А я ведь почти забыл, что отец Сяо Яня все еще у тебя в руках. — Бросив прощальный взгляд на затерянный во тьме дворик, Цан Шуин горько усмехнулся. — Что ж, раз проиграл в пари — значит, пошли.

Мужчина в черном взмахнул рукой, разорвал пространство и шагнул внутрь. Цан Шуин бросил последний взгляд на тот дворик, а уголки его губ изогнулись в изгибе, в котором невозможно было разобрать, то ли это было освобождение, то ли отчаяние.

Сяо Янь, прощай.

<http://bllate.org/book/21599/2226996>